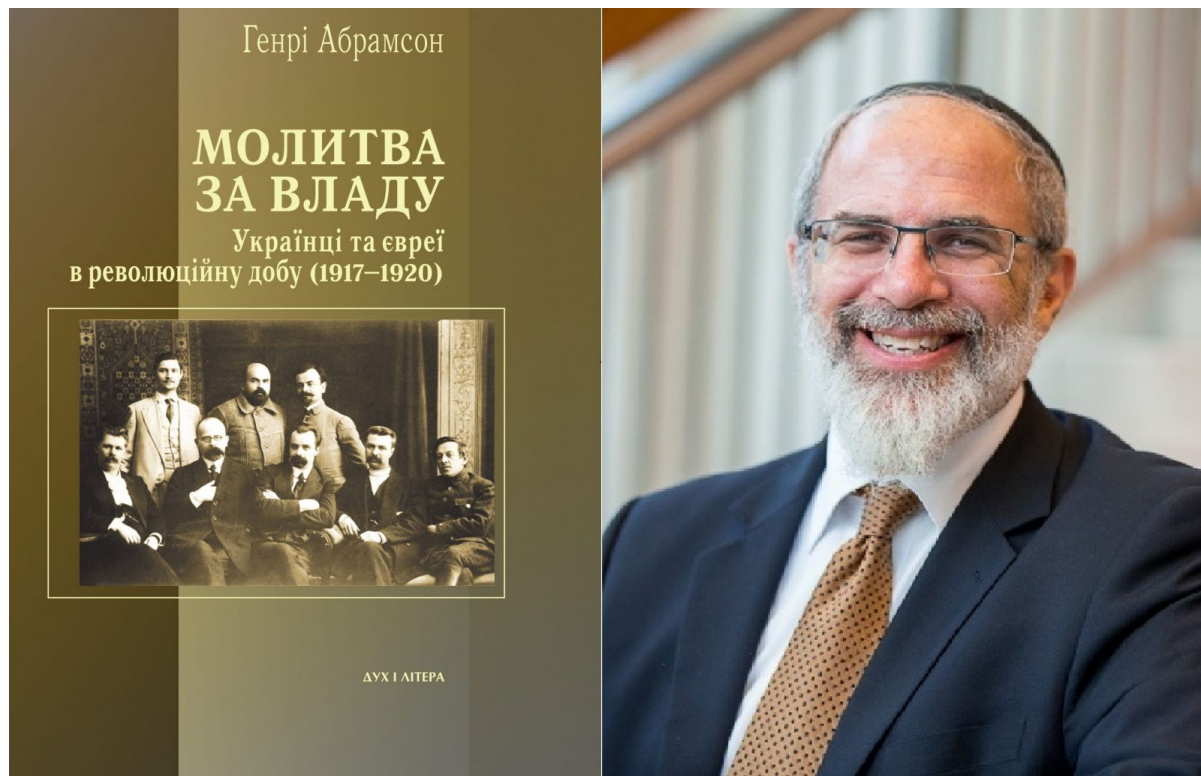

В Киеве издана книга американского историка об украинско-еврейских отношениях в период УНР

Генрі Абрамсон

Молитва за владу. Українці та євреї в революційну добу (1917 — 1920).

К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2017. — 320 с.

Почему опыт украинско-еврейских отношений в виде сотрудничества политических элит Украинской народной республики завершился тяжелым разочарованием обеих сторон? Книга Генри Абрамсона пытается дать исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Историк выявляет причины и обстоятельства, обусловившие «бесславное завершение украинско-еврейского эксперимента» в 1917 — 1919 гг. Автор полагает, что основой «концепции сближения двух наций» стали схожие

идеологические приоритеты украинской и еврейской элит в период падения Российской империи, а не совместимость их по-разному истолкованного исторического и культурного опыта. Не романтизируя историю, Абрамсон смело называет попытку этого сближения «вероятно, противоречившей здравому смыслу». Тем не менее он честно исследует участие евреев в становлении украинского национального движения в 1917 — 1919 годах.

Основной вопрос, неизбежно при этом возникающий: как объяснить сосуществование еврейской автономии в УНР и погромных волн, захлестнувших Украину?

Абрамсон подробно описывает историю взаимодействия Министерства по еврейским делам и Национального совета (еврейского парламента) с центральной украинской властью. Одна из его довольно шатких предпосылок заключается в том, что неудача сближения стала результатом мировоззренческого конфликта села (украинцы) и города (евреи). С одной стороны, грамотные горожане (среди евреев составлявшие подавляющее большинство, тогда как грамотных украинцев было всего 20%) тяготели к поиску политических компромиссов, считая правовое регулирование более важным, нежели экономические перемены, которых добивались крестьяне. С другой стороны, уровень бедности, а следовательно, и радикализации как украинской, так и еврейской общественности к 1917 году был фактически одинаковым. Правда, украинцы не имели того, что было у других этнических групп, — своей буржуазии, благосклонной к новой власти, или, скорее, готовой к выгодному политическому торгу с ней.

Очевидно, что с наступлением хаоса каждая из сторон альянса начала поиск новых партнеров: для части еврейских интеллектуалов и политиков таким партнером стала советская власть, а для Директории — Польша, гораздо более сильная в военном отношении.

«Погром», худ. Иссахар-Бер Рыбак, 1919

Еще одна тема, поднятая Абрамсоном, касается проблемы формирования в армии УНР отдельных еврейских подразделений. Несмотря на в целом положительную реакцию Петлюры, добро на создание таких отрядов на основе еврейской самообороны было дано слишком поздно: когда большевики в январе 1918-го уже подступили к столице. С нарастанием хаоса, с угрозами Винниченко «покончить с буржуазией» путем радикальных социальных реформ, разгулом атаманщины и дезертирством из армии Петлюры в 1919-м, а также обострением противостояния между пророссийской и проукраинской фракциями в еврейских партиях, еврейская позиция приобрела вполне прагматичное звучание: поддержка украинской власти зависела от конкретных результатов ее деятельности.

Примечательно, что даже украинские левые (эсдеки и эсеры) объясняли вынужденные поиски баланса еврейских политиков скрытой симпатией к большевикам и недоверием к «украинскому делу». Тем самым правящая в УНР умеренно левая коалиция косвенно присоединилась к антисемитской истерии, чем объясняются и вялые попытки военного министерства предотвратить погромы. Как отмечает Абрамсон, к весне 1919-го «бумажная война с погромами» окончательно подорвала доверие еврейского меньшинства к УНР.

Многочисленные обращения Петлюры к армии, дипломатические шаги украинских послов во Франции, документы об уголовном преследовании погромщиков — все это сочеталось с попустительством военным преступникам (инициатор Проскуровской резни атаман Семесенко так и не предстал перед судом, а Панас Андриевский неоднократно спасал от суда атаманов-погромщиков), кулуарными договоренностями и утратой интереса к сотрудничеству с меньшинствами.

Весьма своеобразен тезис автора о том, что еврейские и украинские политики несут равную меру ответственности за погромное насилие. Абрамсон считает межпартийную свару социалистов и сионистов едва ли не основной причиной, препятствовавшей созданию отрядов самообороны. Однако это идет вразрез с убеждением автора в практической невозможности для гражданского населения противостоять разбойникам в униформе. Более того, на примере крупнейшего погрома, устроенного украинскими воинами, — проскуровского — ученый демонстрирует, что эта акция была проведена по образцу военной операции (подобную тактику использовали немцы в ходе ликвидаций гетто).

Особенно интересна выявленная Абрамсоном корреляция между вспышками насилия и сменой украинских политических режимов. Так, самый масштабный погром 1918 года произошел в Киеве сразу по возвращении Центральной Рады — факт, игнорируемый отечественными историками. История повторилась после вступления в город войск Директории в декабре 1918 года. Детально рассмотрены обстоятельства и ход погрома в Проскурове, в котором участвовали даже единичные еврей-воины УНР. Вместе с этим исследователь демонстрирует, что Петлюра, находившийся недалеко от Проскурова, мог оказаться на месте события за пару часов, но пренебрег такой возможностью, даже не выпустив официального обращения. В итоге, преследования евреев продолжались около недели. Здесь мы, по сути, становимся свидетелями как трансформации мировоззрения Петлюры (скепсис в отношении парламентской демократии сменился в нем благосклонностью к военной диктатуре, требовавшей штыков преданного, пусть и с запятнанной репутацией, войска), так и его личной трусости — эту мировоззренческую эволюцию часто упускают, оценивая роль Петлюры в погромах.

Крах украинско-еврейского политического альянса объясняется прежде всего пропастью между правящими элитами и гражданами. Пропать между ними

похоронила не только перспективы еврейской автономии, но и шансы социал-демократии в тогдашней Украине. Еврейские лидеры попали в ложный круг надежд: принцип «молитвы за власть» (готовность к любым компромиссам ради социальной стабилизации), которым они руководствовались, обернулся дискредитацией в глазах населения. После волны погромов этот принцип означал лишь согласие на самоуничтожение.

Жертвы погромов, 1919

Можно говорить о том, что заявленный социализм Центральной Рады, а впоследствии Директории УНР, оказался долгоиграющим популизмом — чуждым как украинской, так и еврейской общественности, экономическую шаткость которых Абрамсон неоднократно подчеркивает.

Иначе говоря, кризис, а вскоре и крах УНР — «заслуга» не столько большевиков, сколько идеологов и вождей самой УНР. Антиеврейские погромы были и в 1917-м, и в 1919-м. Следовательно, они стали не решающим фактором краха проекта сближения, а, как ни прискорбно, очевидным результатом неготовности системы к политическому взаимодействию в

Украине, где даже левые (евреи и украинцы) считали население не более, чем пассивным субъектом. То есть, ксенофобия как трагический и примитивный способ самоорганизации масс подтверждает следующую мысль: в эпоху судьбоносных перемен компромисс любой ценой рискует стать бенефисом погромщика.

Вячеслав Цыба, специально для «Хадашот»